

УРОКИ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Арсений
Замостьянов

В своём докладе на юбилейном собрании, посвящённом 200-летию современного Министерства образования¹, министр Владимир Михайлович Филиппов назвал Царскосельский Лицей «жемчужиной русской школы». Скажем прямо: государственный чиновник, возглавляющий ведущее ведомство нынешней России, имел «полное римское» право на такое заявление. Тот Лицей стал одним из самых известных учебных заведений России. Он стал легендой, связанной с именами великих людей России: Александра Сергеевича Пушкина и Александра Михайловича Горчакова. Лицей был задуман и основан как «витрина» просвещённой монархии молодого императора Александра I, как самое идеальное, элитарное воплощение его образовательной программы.

Александр Сергеевич Пушкин, анализируя итоги царствования императора Александра, перечислил его самые выдающиеся свершения в одной строке: «Он взял Париж, он основал Лицей». Военные победы и просветительская программа — вот важнейшие достижения Российской империи первой трети XIX века. И в ряду таких событий, как учреждение Министерства народного просвещения, основание и русификация университетов, появление педагогической прессы, зачинателем которой был с 1803 года наш журнал, образование Лицея стоит особняком, как многозначительный феномен, требующий постоянного исследования. Лицей навсегда останется и в пушкинистике, и в истории образования, и в истории культуры.

1

С античных времён просветители, основатели школ и академий стремились к созданию идеальной атмосферы для совершенствования процесса обучения. Начиная с XVII века, а особенно — в веке XVIII, эти мечты стали приобретать форму руководства, если угодно, технологической программы, пригодной для реализации. Реализованной мечтой об идеальном воспитании государственного человека должен был стать и Лицей в Царском Селе. Географическая близость к царским резиденциям, несомненно, подчёркивала придворные перспективы питомцев Лицея. Им было суждено сыграть ведущую роль в ближайшем будущем Российской империи. Царь Александр строил просвещённую монархию именно для питомцев Лицея.

Царскосельскому Лицею придавалось государственное значение. Для работы в нём привлекались лучшие силы. Благие намерения подкреплялись солидным бюджетом, сопоставимым с бюджетом всего Министерства народного просвещения в первые годы его существования. Лицей располагался в одном из флигелей Царскосельского дворца, построенного по проекту В.В. Растрелли в золотую эпоху барокко. Собственно лицейский флигель был перестроен выдающимся архитектором следующего поколения — классицистом В.П. Стасовым. Райский уголок, прекрасный парк, царственная архитектура... Это не удивительно: ведь император намеревался и всем великим князьям давать образование в лицейских стенах. Оговоримся, что последний замысел не был реализован, но Лицей при императоре Александре был не столько учреждением, подведомственным Правительству, сколько учреждением придворным. Для самодержавной России такой статус был самым высоким.

Конечно, в практике Лицея учитывались достижения уже существовавших в ту пору элитных учебных заведений России и Европы. Кадетские корпуса, немецкие гимназии — вот тот историко-образовательный контекст, который окружал основателей Лицея. 12 августа 1810 года² император подписал указ, составленный М.М. Сперанским, о создании в Царском закрытого учебного заведения для дворянских детей, которые должны получить наилучшее образование, стать опорой просвещённой монархии. Поз-

1

Юбилейное собрание состоялось 12 сентября 2002 года в Колонном зале Дома Союзов.

2

Здесь и далее даты из истории Лицея приводятся по старому стилю.

же М.М. Сперанский вспоминал: «Училище сие образовано и устав написан мною, хотя и присвоили себе работу сию другие, но без самолюбия скажу, что оно соединяет в себе несравненно более видов, нежели все наши университеты». Фактически Лицей должен был давать сразу и среднее, и высшее образование. Начальное лицейство уже имели, получив его или в Благо-родном пансионе при Московском университете, или в Санкт-Петербургской гимназии, или, как юный Пушкин, дома.

И 19 сентября 1811 года (дата, известная миллионам читателей Пушкина в нашей стране) Лицей открыл свои двери для первого курса — для Александра Сергеевича Пушкина и Александра Михайловича Горчакова, для Ивана Васильевича Малиновского и Вильгельма Карловича Кюхельбекера, для Владимира Дмитриевича Вольховского и Антона Антоновича Дельвига... Всего для тридцати человек — первых лицейцев. Заметим, что государственная служба удалась далеко не у всех из них, но имя в истории России сделал себе едва ли не каждый лицеист. В спартанских и в то же время царских условиях Царско-сельского Лицея в первую очередь осуществлялось воспитание личности, осознающей свой долг перед Отечеством, перед просвещением, свою высокую миссию. Лицей открыл свои двери первым питомцам. Об этом счастливым часе писал Пушкин:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как Царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Ещё спала. Ещё Наполеон
Не испытал великого народа —
Ещё грозил и колебался он.
Вы помните...

Эта дата — 19 сентября, день лицейского праздника — стала одной из важнейших в творчестве Пушкина. В лучших своих стихах поэт возвращался к образам Лицея и лицейцев. Такова была «память сердца» (крылатое выражение К.Д. Батюшкова).

Царскосельский Лицей стал полем деятельности выдающихся педагогов и учёных начала XIX века, своеобразные приёмы которых остались и в многочисленных воспоминаниях лицейцев, и в истории русской школы. Требования, предъявляемые к лицейским преподавателям, определялись уникальным сочетанием высшего и среднего образования в едином курсе. По этой причине педагог Царско-сельского Лицея первой волны должен был сочетать качества школьного учителя, разбирающегося в психологии ребёнка, и авторитетного исследователя, способного вызывать всеобщее уважение как «научное светило» европейского масштаба. Нечто подобное в тот же период наблюдалось и в Благо-родном пансионе при Московском университете, где царил поэт и педагог, учёный-филолог и даровитый профессор Алексей Фёдорович Мерзляков. Но перед преподавателями Лицея стояли более конкретные задачи, с единством места, времени и действий. Им было нужно не только передать свои знания тридцати недорослям и воспитать из них будущих просветителей и государственных мужей. Руководство Лицея должно было постоянно анализировать успеваемость и личные качества лицейцев, стараясь с наибольшей точностью предопределить их будущность. Кстати, подобные задачи встают порой и перед современными учителями — и в США, и в Великобритании, и в России. В нашу эпоху социологии и разнообразных тестов опыт царско-сельских мудрецов не будет лишним. Саму по себе такую цель можно назвать утопической, но в оранжерейных условиях Царско-сельского Лицея подобная «сто-процентная научность» не казалась тщетной. Казалось, строгому анализу подвластно всё и научное знание имеет универсальный смысл. В последнее десятилетие стало хорошим тоном одёргивать этот просветительский азарт, уповая на мистику, на «неопознанное» и «загадочное». Что ж, должен признать, что идеология Просвещения принесла нам столько прекрасных плодов, что относиться к ней

Лицейцы.
Рис. Надежды Рушевой

свысока просто глупо. Посмотрим, что и кто родится из нынешней хаотической идеологии постмодернизма, а детьми рационального века и детьми Лицея были Пушкин и Горчаков...

Царскосельский Лицей

Одним из основателей Лицея был его директор Василий Фёдорович Малиновский. Учителями первых лицеистов стали Н.Ф. Кошанский — филолог-классик, написавший одну из лучших русских риторик, профессор политических наук А.П. Куницын — педагог-вольнодумец, склонявшийся к республиканским убеждениям, А.И. Галич — педагог-друг, на равных общавшийся с лицеистами, позволявший им даже некоторую фамильярность во взаимоотношениях...

Опыт первых лет работы Лицея остался в истории нашей культуры как масштабный и успешный эксперимент по созданию элитарного учебного заведения. Особую актуальность имеет тот факт, что основавшая Лицей государственная власть имела в виду перспективность Лицея как кузницы управленческих кадров для просвещающейся империи. Основание Лицея было ответственным шагом, на который власти решились только после длительных консультаций и расчётов. Лицей удовлетворял потребность государства и общества — в выполнении этой функции прослеживалась железная логика. К сожалению, в последние годы, декларируя примат потребностей индивидуума над потребностями государства и общест-

ва, мы утратили рачительность подхода к разработке образовательной стратегии.

Свободный дух Лицея — этого царства знаний — недолго продержался на первоначальном уровне. К 1822 году многие привилегии, данные Лицею, были утрачены, и уникальное учебное заведение перешло под юрисдикцию Управления военно-учебных заведений. Число воспитанников каждого курса увеличивалось, среди преподавателей и лицеистов по-прежнему встречались яркие личности (Я.К. Грот, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.А. Толстой, Н.А. Корф, десятки армейских генералов), но эксперимент пушкинского курса так и остался уникальным, единственным в своём роде. Выпускники Лицея продолжали получать права выпускников университета и (в зависимости от успеваемости) чин с девятого по четырнадцатый класс по табели о рангах. С 1844 года Лицей был переведён в Санкт-Петербург, где и просуществовал до 1918 года. С 1844 года по 1917-й он назывался Императорским Александровским Лицеём. После революционных событий 1917 года Лицей переименовывают в Пушкинский. Но и с именем великого поэта он просуществовал только год, после чего был упразднён. Последним радетелем за Лицей был его выпускник и премьер-министр Российского правительства, сменивший на этом посту П.А. Столыпина, граф В.Н. Коковцев. Именно он стал главным собирателем лицейских реликвий в эмиграции, когда архивы Лицея оказались разбросанными по Европе, разлетевшись по эмигрантским чемоданам. В.Н. Коковцева избрали председателем Ассоциации бывших лицеистов. Ассоциация занималась проведением торжественных встреч 19 октября, изданием книг и, наконец, сбором документов, касающихся истории Лицея. На основе собранных фондов был создан лицейский музей. В конце тридцатых годов по решению ассоциации фонды Лицейского музея были переданы Брюссельскому музею Армии и Военной Истории. И в последующие годы частные эмигрантские архивы, связанные с Лицеём, передавались в этот бельгийский музей. Оценим мудрость бывших

лицейстов: уж если собирать реликвии, то собирать их в одном месте, это значительно облегчает исследовательскую работу и удовлетворяет интересы всех интересующихся историей образования в России.

2

Итак, значительная часть лицейских документов хранится в брюссельском музее. Все эти годы реликвии российского образования преспокойно хранились в Бельгии.

Но вот в девяностые годы настоящая патриотка России Елена Мамонтова взяла на себя труд перевода Описи архивного фонда Императорского Александровского Лицея. В 2001 году русский перевод, предназначенный для Фонда Сохранения Русского наследия в Европе, был успешно завершён и издан в Бельгии. Увы, в Россию попали лишь единичные экземпляры русского перевода Описи. А ведь именно для нас живые традиции Лицея особенно важны. Не секрет, что в последние годы музей Лицея в Царском Селе, бережно воспроизводящий быт лицейстов пушкинского времени, стал Меккой для российских учителей и школьников.

Ведь уже тринадцать лет в нашей стране появляются новые гимназии и лицеи, в которых пытаются возродить традиции того, легендарного, Лицея. И учителя привозят в Царское, в город Пушкин свои классы — поклониться святым камням российского просвещения. Да и в прошлые десятилетия, когда никаких лицеев у нас не было, традиции Куницына и Малиновского, Энгельгардта и Кошанского в русской и советской педагогике не умирали. Не иссякал и поток посетителей Пушкинского музея — посетителей из числа учащихся и учащихся.

З.И. Равкин и Н.Я. Эйдельман посвятили Лицею научно-популярные исследования, радушно встреченные читателями. Всё так, но вот фонды, собранные Ассоциацией бывших лицейстов, остаются для нас, граждан России, труднодоступными. А ведь в этих фондах и официальные документы, и списки лицейстов (около двух тысяч выпускников) и преподавателей, и профессорская переписка... А чего стоят правила выставле-

ния оценок или редчайшие экземпляры рукописных лицейских альманахов... Все эти документы являются прекрасным материалом для наших учёных и педагогов, да и музейная их ценность очевидна. Первые годы существования Лицея — это вообще золотая пора нашего просвещения и изучать её следует непрестанно, но и в последующие девяносто лет Лицей был образцовым учебным заведением, собравшим лучшие образцы российской научной мысли, отражавшим направления образовательной политики русских монархов, а также Управления военно-учебных заведений и Министерства Народного Просвещения. К тому же многие документы архива имеют отношение к пушкинской теме — магистральной теме нашей культуры.

Бесценный архив Лицея, в котором отразилась вся вековая история этого учебного заведения, к сожалению, не собран во всей полноте на Родине и не является собственностью России. Разбросало по миру наши сокровища... Журнал «Народное образование» формулирует проблему: архив Лицея нужен России, нужен нашим педагогам и учёным. Это государственное дело, к которому должно подключиться и Правительство Российской Федерации. В последние пять лет российское общество ощущает позитивные изменения в работе Министерства образования: министерство возвращается на государственнические позиции, во многом утраченные в забвении начала 1990-х... Всем нам предстоит напряжённая работа по систематизации педагогического наследия, сложившегося за многовековую историю отечественной школы. В этом контексте уроки Лицея не теряют своей актуальности и ждут своих пропагандистов, популяризаторов и исследователей. Конечно, дело возвращения архива Императорского Александровского Лицея требует особой корректности. Мы не вправе нарушать волю тех, кто собрал и сберёг эти реликвии. Но мы должны сделать всё для того, чтобы архив вернулся на Родину — для того, чтобы работать на благо российского просвещения. Ведь в этом главный урок Лицея, который он преподаёт нам во все времена. ■